

С.И. Марахонова

Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.)

По архивным материалам¹

Во время Великой отечественной войны основная часть сотрудников Института востоковедения была эвакуирована из Ленинграда в Ташкент. Эвакуация Института не была единовременным организованным актом: некоторые сотрудники добирались до Ташкента самостоятельно, разными путями, из разных точек страны. В статье, основанной исключительно на архивных материалах, рассказывается об эвакуации ученых из блокадного города, об официальном создании в Ташкенте Института востоковедения и его разнообразной деятельности: научной, организационной, преподавательской, лекционно-пропагандистской и военной.

Ключевые слова: Институт востоковедения АН СССР, война, эвакуация, Ташкент.

Через 10 дней после того, как началась война, 2 июля 1941 г. было издано Постановление Совета народных комиссаров СССР об эвакуации академических институтов и учреждений в восточные области страны. В связи с этим Президиум Академии наук приказал директорам институтов и начальникам учреждений немедленно, с 8 июля, начать готовить свои учреждения к эвакуации, отобрать и упаковать необходимое оборудование, наиболее ценные коллекции и материалы, и 9 июля представить в Президиум списки необходимых для работы сотрудников и членов их семей (АВ. Ф. 152, оп. 3а, ед. хр. 57. Л. 108).

Местом базирования Академии наук и академических институтов в эвакуации должен был стать Томск. Выполняя распоряжение Президиума АН, администрация институтов готовила списки эвакуируемых и остающихся в Ленинграде сотрудников.

¹ Статью можно рассматривать как продолжение предыдущей статьи «Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады (по архивным данным)» // Письменные памятники Востока. М., 2008, № 1(8). С. 21–36. В ней речь шла в основном о деятельности группы сотрудников, оставшейся в блокадном Ленинграде. К примеч. 107 (с. 35) появились дополнения.

Константин Николаевич Артёмов вернулся в Ленинград в конце 1945 г. Сохранилась справка, выданная ему в ИВ 1.12.1945 г., о том, что он работал в ИВ с 1937 г. по 25.08.1941 г. (призыв в РККА). Справка была необходима для возвращения ему жилплощади в Ленинграде (АВ. Ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 853. Л. 25).

Наталья Григорьевна Иваненко в 1942 г. находилась в Фергане и работала в созданном Н.И. Конрадом небольшом коллективе японоведов вместе с А.Е. Глускиной и В.Н. Марковой (*Бадмаев Е.В.* Н.И. Конрад: гражданская позиция в тоталитарном обществе // sapsib.history.kemsu.ru/TEZIS/sbornik_nasilie.htm). В Московской группе востоковедов, где работали затем Н.И. Конрад и А.Е. Глускина, она не числилась. Нам известна лишь одна ее работа: Ихара Сайкаку и его сборник новелл Эйтэйгура // Япония. М., 1961. Также издана в сб. «Историко-филологические исследования» (М., 1967).

Валентин Константинович Юстов тоже остался в живых. Он известен как составитель (вместе с Я.Б. Палеем) «Краткого китайско-русского словаря» (М., 1957; 2-е изд. М., 1959, 1960).

В системе АН немедленно были взяты на учет все сотрудницы, имеющие малолетних детей и детей школьного возраста. Их предполагалось вывезти в первую очередь.

В Институте востоковедения сотрудники, подчиняясь приказу, в обязательном порядке занимались складированием научной литературы в ящики для хранения ее в особых условиях военного времени или для вывоза. Однако администрация ИВ в лице его директора академика В.В. Струве не приветствовала эвакуацию. Это и понятно: ситуация вокруг Ленинграда не была еще критической, и уезжать в неизвестность, да еще увозя с собой необходимую литературу и бесценные рукописи, было тяжело и небезопасно. В этой обстановке В.В. Струве направил в Президиум АН СССР объяснительную записку, отметив, что Институт не может выехать из Ленинграда по ряду рабочих причин. «Но если уж придется уезжать, то целесообразно разместить ИВ в Казани — бывшем востоковедном центре — а при невозможности в Ташкенте» (Оп. 1а, ед. хр. 730. Л. 57).

Частное мнение, пусть даже и такого крупного научного деятеля, не было принято во внимание, и 19 августа Президиум Ленсовета постановил назначить эвакуацию учреждений АН на 21 августа. По ИВ прошел ряд приказов со списками эвакуируемых (с семьями) сотрудников. Вызывает некоторое недоумение число подлежащих эвакуации сотрудников: 29 человек, согласно приказу от 21 августа; 37 человек по приказу от 23 августа и 36 человек по приказу от 27 августа. Согласно этому же приказу, 23 человека оставались в Ленинграде (Оп. 3а, ед. хр. 57. Л. 20–25, 87, 95). Однако к началу войны в ИВ числилось около 120 научных, технических, административно-хозяйственных сотрудников, а также аспирантов и докторантов². В июле-августе в РККА и Народном ополчении находилось приблизительно 25 человек, из Ленинграда самостоятельно почти никто еще (кроме Поппе и, вероятно, Баранникова) не выехал, в августе было уволено не очень большое количество сотрудников³. Почему же так незначительны цифры в приказах? Очевидно, эвакуация определялась прежде всего желанием самих сотрудников, но далеко не все хотели тогда уезжать.

Но ни 21, ни 31 августа планируемая эвакуация ИВ по каким-то причинам не состоялась. А затем началась блокада. До конца 1941 г. вывезти из города самолетом смогли только академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Таково было распоряжение Совнаркома СССР. В 1941–1944 гг. на курорте Боровое в Северном Казахстане находилось около 50 видных ученых (Лившиц, 1986, с. 9). Академик В.В. Струве вылетел в Ташкент в распоряжение Среднеазиатского филиала АН СССР. Попытки эвакуировать из Ленинграда теперь уже только особо ценных сотрудников (менее 10 человек) сначала водным путем через Шлиссельбург, потом по льду Ладожского озера не увенчались успехом.

Реальная эвакуация части сотрудников ИВ произошла в феврале и марте 1942 г. по Дороге жизни, проложенной по льду Ладожского озера. Эвакуация происходила согласно Постановлению правительства и в соответствии с решением Ленгорсовета. 19 человек смогли выехать из блокированного города в различные пункты страны. Этими сотрудниками были: А.Н. Кононов, Л.А. Хетагуров, В.Е. Краснодембский, А.С. Тверитинова, А.А. Холодович, Е.М. Залкинд, О.И. Смирнова, Е.А. Разумовская, С.И. Климчицкий, Н.А. Митрясова, М.К. Максимов, З.И. Горбачева, А.Е. Глускина,

² Согласно списку на 1 января 1941 г., в ИВ было 90 сотрудников и 33 аспиранта (Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 55. Л. 10).

В июле и августе в ИВ числилось 102 человека (Оп. 3а, ед. хр. 58. Л. 2–6, 20–29).

³ За июль и август было уволено 18 человек.

С.А. Козин, Б.Л. Фридлянд, С.М. Богданова-Березовская, А.А. Драгунов, А.В. Башкиров, А.К. Арендс. Очевидно, что здесь не идет речь об организованной эвакуации группы сотрудников Института. Тем не менее у нас есть надежные основания полагать, что О.И. Смирнова, Е.А. Разумовская, С.И. Климчицкий, вероятно, Б.Л. Фридлянд и еще кто-то выехали вместе на Северный Кавказ, очевидно, с целью добраться оттуда до Ташкента⁴. В одном из документов за июль 1942 г. (но уже после отъезда ИВ из Ленинграда 12 июля) речь идет о некоей группе: «...Задержались в пути на Северном Кавказе 5 человек» (Оп. 1а, ед. хр. 771. Л. 34).

С осени 1941 г. академик Струве находился в Ташкенте при Среднеазиатском филиале АН СССР. Мы не знаем, какова была роль В.В. Струве в принятии Президиумом АН СССР в мае 1942 г. решения об эвакуации ИВ (в числе ряда других академических институтов) в Ташкент. Во всяком случае, в начале войны он выступал с таким предложением. Решение Президиума было принято в мае, но сама организация института задерживалась ввиду различных бюрократических проволочек. В такой обстановке В.В. Струве от лица вице-президента АН академика В.П. Волгина было разрешено уже в мае создать в Ташкенте группу ИВ в пределах штатов, утвержденных для института.

По списку от 25 июня 1942 г. в состав группы входило 17 сотрудников: В.В. Струве, А.К. Боровков, А.А. Драгунов, К.В. Тревер, А.А. Семенов, И.И. Зарубин, С.П. Толстов, Я.Б. Радиль-Затуловский, А.В. Башкиров, А.Е. Глускина⁵, А.Л. Троицкая, С.Р. Смирнов, Н.В. Дьяконова, Н.М. Гольдберг, Н.М. Кульварская, Есаулов, М.Л. Вершинина (Оп. 3а, ед. хр. 61. Л. 16). Не все перечисленные сотрудники раньше работали в ИВ в Ленинграде. Среди них были сотрудники других институтов и научных учреждений, эвакуированных из Ленинграда (А.Л. Троицкая работала в Институте этнографии, К.В. Тревер — в Эрмитаже), из Москвы (Н.М. Куль-

⁴ Больше всего данных у нас имеется об О.И. Смирновой. Согласно одному из документов, О.И. Смирнова была эвакуирована из Ленинграда в числе других сотрудников ИВ 25(24) марта 1942 г. (Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 851. Л. 5, 19). В другом документе она сама пишет, что «в конце марта 1942 г. эвакуирована вместе с матерью на Северный Кавказ» (Оп. 1а, ед. хр. 814. Л. 9–10). Достоверно известно, что в Краснодарском крае Смирнова была уже в мае 1942 г.

В списке сотрудников, находящихся на 15 июля 1942 г. не в Ташкенте, О.И. Смирнова, С.И. Климчицкий, Е.А. Разумовская и А.М. Беленицкий (он не был сотрудником ИВ) вместе значатся в станице Ахметовка Упорненского района Краснодарского края (Оп. 3а, ед. хр. 62. Л. 21).

У А.Н. Болдырева Климчицкий и Смирнова дважды упоминаются вместе как затерявшиеся или предположительно погибшие на Кавказе (Болдырев, 1998, с. 189, 254). В письме Д.И. Тихонова из Ташкента А.Н. Болдыреву от 22 июня 1943 г. Смирнова и Климчицкий вновь упоминаются в непонятной связи друг с другом: «Получили письмо от Ольги Ивановны. Она жива, здорова. Ждем в Ташкенте. *Сергея Ивановича не нашли* (курсив наш. — С.М.)» (Оп. 1а, ед. хр. 801. Л. 20).

Из заявления Е.А. Разумовской о приеме на работу в ИВ в Ташкенте явствует: «8 августа с.г. (1942 г. — С.М.) я приехала в Ташкент, куда была направлена из Ленинграда *в распоряжение среднеазиатского филиала АН* (курсив наш. — С.М.)» (Оп. 3, ед. хр. 497. Л. 9). Следовательно, либо в числе находящихся в Краснодарском крае она числится ошибочно, либо она и ехала в Ташкент через Северный Кавказ. В итоге Е.А. Разумовская уже 8 августа 1942 г. оказалась в Ташкенте, где 25 марта 1943 г. скончалась.

О.И. Смирнова добралась до Ташкента только в августе-сентябре 1943 г., пережив оккупацию в Краснодарском крае и получив вызов на работу в ИВ. С.И. Климчицкий пропал без вести на Северном Кавказе, видимо, во время оккупации летом 1942 г.

⁵ А.Е. Глускина была эвакуирована из Ленинграда в Фергану весной 1942 г., затем переехала в Ташкент. С осени 1943 г. работала в Московской группе, согласно приказу по ИВ в Ташкенте от 25 августа 1943 г.: «Глускину А.Е... в связи с эвакуацией Московского ИВ, командировать в Москву для продолжения работы над Малым японо-русским словарем впредь до окончания работы» (Оп. 3, ед. хр. 157. Л. 30).

варская, М.Л. Вершинина⁶, Н.М. Гольдберг⁷, С.П. Толстов⁸), а также местные научные работники (А.А. Семенов, И.И. Зарубин). На 15 июля в Ташкенте числилось уже 20 человек (Оп. 3а, ед. хр. 62. Л. 20).

Исходя из наличия сотрудников определенных специальностей летом 1942 г. в Ташкентской группе были созданы следующие кабинеты: Дальневосточный (заведующий А.А. Драгунов, сотрудники — Я.Б. Радуль-Затуловский, Т.И. Райнов, А.Е. Глускина); Индийский (заведующий, вероятно, А.П. Баранников, находившийся в Боровом, сотрудники — М.С. Андреев, Г.Г. Кочарьянц, Н.М. Гольдберг (ученый секретарь кабинета), С.Р. Смирнов); Среднеазиатский (заведующий А.Ю. Якубовский, сотрудники — К.В. Тревер, С.П. Толстов, Д.И. Тихонов, Е.А. Разумовская, А.А. Семенов); Туркологический (заведующий А.К. Боровков, сотрудники — А.Л. Троицкая, А.М. Мугинов); Иранский (заведующий И.И. Зарубин, сотрудники — Н.В. Дьяконова (ученый секретарь кабинета), А.В. Башкиров); Семитический (заведующий В.В. Струве, сотрудник — И.Г. Лившиц). Ученым секретарем группы ИВ, а затем и самого ИВ в Ташкенте был в 1942 и 1944 гг. А.А. Драгунов.

Сотрудники имели планы научной работы. Индийский кабинет составил и обсудил программу коллективного сборника «Индия» (объем 50 п.л.), а ряд авторов уже приступил к работе над статьями. В Дальневосточном кабинете был заслушан доклад А.А. Драгунова «О системе китайской грамматики». Я.Б. Радуль-Затуловский защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Е.А. Разумовская заканчивала работу над кандидатской диссертацией «Формы землевладения в Иране и Ираке в VII–X вв.», Н.М. Гольдберг разрабатывал тему «Памирское разграничение 1895 г.», А.Л. Троицкая — «Народный театр Узбекистана», К.В. Тревер — «Авеста и Средняя Азия». А.Е. Глускина занималась пополнением картотеки Малого японо-русского словаря. Темой научной работы В.В. Струве была история Западного Ирана (древний период), а выражением общественно-политической деятельности академика стала брошюра «Антисемитизм Гитлера» (Оп. 1а, ед. хр. 771. Л. 58–59).

Сотрудники группы оказывали посильную помощь научным и учебным учреждениям Ташкента. Они принимали участие в написании трехтомной «Истории Узбекистана», инициированном УзФАН. В.В. Струве выступал как редактор, авторами I и II томов были К.В. Тревер, Т.И. Райнов, А.А. Семенов, С.П. Толстов, Н.М. Гольдберг, А.К. Боровков. Они участвовали также в научных заседаниях Института исто-

⁶ М.Л. Вершинина с осени 1943 г. работала в Московской группе ИВ, исполняя обязанности по ведению административно-технической и хозяйственной работы (Оп. 1а, ед. хр. 790. Л. 36).

⁷ Н.М. Гольдберг был эвакуирован из Москвы в Ташкент как сотрудник ИККИ. Занимался Индией, работал в ИЯЛИ УзФАН. В июне 1942 г. был принят на работу в Ташкентскую группу ИВ. Позднее, вероятно с осени 1943 г., работал в Московской группе (не путать его со штатным сотрудником ИВ Д.И. Гольдбергом, служившим в РККА).

Московская группа ИВ была организована в октябре 1943 г. на основании постановления сентябрьского (1943 г.) совещания востоковедов на Сессии АН СССР. Руководителем был назначен академик И.Ю. Крачковский, прибывший в Москву из Ленинграда в июле 1942 г. В группу были объединены находившиеся в Москве сотрудники ИВ и московские востоковеды из системы АН и других научных учреждений. В Бюро группы входили Н.И. Конрад, Н.В. Пигулевская, М.А. Коростовцев и Т.И. Райнов (Оп. 1а, ед. хр. 796. Л. 26–28). На 20 июня 1944 г. в составе Московской группы числятся: И.Ю. Крачковский (заведующий Арабским кабинетом), Н.И. Конрад (заведующий Японским кабинетом), Н.В. Пигулевская, Т.И. Райнов, И.М. Рейснер, А.Е. Глускина, В.И. Авдиев, В.А. Гордлевский (Оп. 3а, ед. хр. 69. Л. 11), а также М.А. Коростовцев.

⁸ С.П. Толстов, видный советский этнограф, во время эвакуации в Ташкенте с 1942 г.(?) был директором Института этнографии АН СССР, в 1943–1945 гг. он — декан исторического факультета МГУ. Вероятно, работал в ИВ в Ташкенте по совместительству недолгое время.

рии, Института истории материальной культуры и др. А.К. Боровков руководил лингвистическим разделом всех работ ИЯЛИ. Была оказана помощь библиотеке САГУ в наведении порядка в дальневосточных фондах и Государственной публичной библиотеке в описании арабского, персидского и турецкого фондов (Оп. 3а, ед. хр. 69. Л. 31, 34).

В начале июля в Ленинграде началась подготовка к эвакуации из города последней группы сотрудников ИВ. Директор ИВ И.Ю. Крачковский подписал приказ об отъезде сотрудников в Ташкент. Был составлен список отъезжающих, пятеро сотрудников были уволены (среди них библиотекарь О.Э. Ливотова). Для охраны здания и имущества ИВ оставалась небольшая группа — Д.В. Семенов, А.Н. Болдырев, В.И. Евгенова, Т.В. Михновская, А.Ф. Елкина. Сейчас трудно сказать, насколько их желание остаться было добровольным, вынужденным или случайным. А.Н. Болдырев, по его же собственному признанию, уезжать из Ленинграда не хотел. Д.В. Семенов был оставлен временно «до выхода жены из больницы» в качестве уполномоченного ИВ в Ленинграде (Оп. 3. Ед. хр. 539). О.П. Соловьева не смогла эвакуироваться из-за болезни и вскоре влилась в Ленинградскую группу. Самые страшные испытания военного времени выпали именно на их долю.

12 июля 1942 г. из Ленинграда в эвакуацию выехали В.И. Беляев, П.В. Ернштедт, Е.М. Колпакчи, Н.М. Миклухо-Маклай, Н.В. Пигулевская (зам. директора ИВ), Л.С. Пучковский, Г.Ф. Смыкалов, Н.П. Шастина, Ю.А. Солодухо, Р.Г. Карлина, библиотекари З.Е. Фонтон, М.С. Фонтон и Н.М. Вайнберг — всего 13 человек. Группа прибыла сначала в Казань⁹ — вероятно, потому, что там находился эвакуированный Президиум АН СССР. В Казани им пришлось ожидать возможности переезда в Ташкент в течение нескольких месяцев, пока шло юридическое и финансовое формирование ИВ. Только после выхода распоряжения СНК СССР за подписью зам. председателя СНК СССР Р.С. Землячки и утверждения его Правительством «Президиуму АН СССР разрешено разместить эвакуируемые из Ленинграда учреждения АН СССР в следующем порядке:

ЛО института истории — в г. Ташкенте

Этнографический институт — в г. Ташкенте

Институт литературы — в г. Ташкенте

Институт востоковедения — в Ташкенте» (Оп. 1а, ед. хр. 772. Л. 7).

7 сентября 1942 г. вице-президент АН СССР академик А.А. Байков пишет В.В. Струве: «Сообщая Вам вышеуказанное распоряжение, прошу срочно представить мне Ваши соображения о том, в какие сроки и в какой мере Вы можете воспользоваться данным распоряжением Правительства» (Оп. 1а, ед. хр. 767. Л. 34).

Таким образом, ИВ был создан лишь в конце сентября 1942 г. Группа сотрудников, находящихся в Казани, за исключением Н.В. Пигулевской, Н.П. Шастиной, З.Е. и М.С. Фонтон, прибыла в Ташкент в начале ноября¹⁰. За эти летние и осенние

⁹ Неизвестно, когда конкретно группа сотрудников прибыла в Казань, но в персональном списке ИВ от 5 августа 1942 г. все они (очевидно, Вайнберг отсутствует в нем по ошибке) числятся в Казани (Оп. 3а, ед. хр. 62. Л. 24).

¹⁰ Н.В. Пигулевская осталась в Казани в распоряжении Президиума АН СССР, а осенью 1943 г. переехала в Москву для работы в Московской группе востоковедов. Н.П. Шастина с разрешения Н.В. Пигулевской уехала к родственникам в Иркутск (Оп. 3, ед. хр. 670. Л. 5). З.Е. и М.С. Фонтон с 1 октября 1942 г. числились в длительном отпуске и какое-то время жили в Казани (или Елабуге). По другим данным, они находились на оккупированной территории, затем переехали в Москву. Марина Сергеевна Фонтон начала работать в ГПБ в Ленинграде уже в январе 1945 г., а ее мать, Зинаида Евгеньевна Фонтон, вернулась в ИВ после войны. Была арестована по доносу сотрудника Института и погибла. Год смерти неизвестен (Васильков, Сорокина, 2003, с. 465).

месяцы 1942 г. в Ташкент прибыли самостоятельно аспирантка Б.Л. Фридлянд (7 августа)¹¹, Е.А. Разумовская (8 августа), В.И. Кальянов (в октябре из Борового, куда он приехал из Ленинграда, видимо, в июле–августе). К декабрю в ИВ находилось уже 36 человек. Из местных сотрудников, помимо доктора исторических наук члена-корреспондента АН УзССР А.А. Семенова (история Средней Азии), Институт привлек к работе члена-корреспондента АН СССР, действительного члена АН УзССР М.С. Андреева (ягнобский язык, культура народов Средней Азии) и доктора исторических наук Т.И. Райнова (история отечественного востоковедения).

Приехавшие сотрудники были размещены в общежитии на Шахрисябской улице, 24. Но с жилплощадью дело обстояло плохо, из общежития вскоре они были принудительно выселены. Затем, по-видимому, все были расселены по квартирам, поскольку в документах встречаются разные ташкентские адреса. Сам Институт востоковедения находился на Пушкинской улице, 31. Помещение, вероятно, было небольшим, так как дирекция просит предоставления дополнительной площади (комнаты) (Оп. 1а, ед. хр. 801. Л. 17об.).

На 10 июня 1943 г. в ИВ в Ташкенте находилось 44 человека — из них 31 сотрудник, 10 аспирантов и трое прикомандированных. На работу в ИВ были вызваны А.Н. Кононов¹² (с 27 июля), М.К. Максимов (в июле), Т.А. Бурдукова (летом), О.И. Смирнова (в августе). Дирекция ИВ также обращалась в Президиум АН с просьбой пригласить в Ташкент академиков В.М. Алексеева, А.А. Фреймана и Н.И. Конрада, а также докторов наук В.М. Штейна и С.А. Козина (Оп. 1а, ед. хр. 801. Л. 17). Однако первые двое оставались до 1944 г. в Боровом, С.А. Козин и В.М. Штейн — в Саратове с университетом, а Н.И. Конрад работал в составе Московской группы.

В 1943 г. к работе в ИВ приступили также Е.Э. Бертельс (зимой или весной)¹³, А.М. Мугинов¹⁴, В.М. Бескровный (апрель)¹⁵, Д.А. Сулейкин¹⁶, Н.В. Кислаковская, И.Н. Винников (директор Института этнографии в 1941–1943 гг. или до 1942 г.). Точно неизвестно, когда в Ташкент приехал Д.И. Тихонов, но 11 сентября 1943 г. он значится как ученый секретарь ИВ¹⁷ (Оп. 3. Ед. хр. 602).

В январе 1943 г. вице-президент АН СССР академик В.П. Волгин в письме директору ИВ В.В. Струве предлагал усилить при ИВ подготовку специалистов, хорошо владеющих восточными языками, подготовить книги по истории стран Востока и учебники по восточным языкам, провести совещание по вопросам востоковедения, чтобы определить основные задачи востоковедной науки. Необходимо было также восстановить издание «Записок Института востоковедения» (Оп. 1а, ед. хр. 801. Л. 1).

¹¹ Б.Л. Фридлянд выехала в эвакуацию из Ленинграда в феврале 1942 г. и долго добиралась до Ташкента. К примеру, А.А. Драгунов, также командированный в Среднеазиатский филиал АН, выехал из Ленинграда позднее, 29 апреля 1942 г., а 25 июня уже числится ученым секретарем группы в Ташкенте (Оп. 3, ед. хр. 207. Л. 17). Долго добиралась до Ташкента и Разумовская. Можно допустить, что Фридлянд и Разумовская добирались до Ташкента вместе, а разница в датах приезда (7–8 августа 1942 г.), вероятно, ошибочна.

¹² А.Н. Кононов исполнял обязанности ученого секретаря ИВ в Ташкенте в 1945 г.

¹³ Е.Э. Бертельс с осени 1941 г. находился в эвакуации в Ашхабаде.

¹⁴ М.А. Мугинов с начала войны был на оборонных работах, затем служил 7 месяцев в РККА.

¹⁵ В.М. Бескровный с августа 1942 г. до января 1943 г. находился в эвакуации в Кисловодске. Попал в оккупацию.

¹⁶ Д.А. Сулейкин служил в РККА до апреля 1942 г. Был демобилизован как инвалид войны.

¹⁷ Д.И. Тихонов выехал из Ленинграда в феврале 1942 г. и на 15 июля 1942 г. находился в Пензенской области.

Ленинградская группа:

Д.В. Семенов, А.Н. Болдырев, О.П. Соловьева (Петрова), В.И. Евгенова, А.Ф. Елкина.

Фотографии сотрудников взяты из АВ («Книга памяти» и Ф. 152. Оп. 3.

Личные дела сотрудников).

Фотография А.Н. Болдырева опубликована в кн.: *Болдырев А.Н. Осадная запись* (Блокадный дневник). СПб., 1998

Все эти задачи были с честью выполнены, несмотря на недостаточную обеспеченность научным материалом и литературой (вплоть до полного ее отсутствия) по ряду научных направлений (Дальний Восток, особенно Монголия и Индия) и разбросанность специалистов по разным городам. Однако Ташкентская Государственная публичная библиотека обладала богатой коллекцией рукописей на арабском, персидском, турецком и языках народов Средней Азии. Таким образом, ИВ при выстраивании планов своей научной деятельности руководствовался прежде всего наличием материалов для работы в Ташкенте и интересами штаба САВО и НКВД (Оп. 1а, ед. хр. 721. Л. 24).

Эвакуированный из Ленинграда Институт востоковедения стал для Ташкента и всего среднеазиатского региона кузницей высококвалифицированных востоковедных кадров, значительно повысил уровень научных исследований местных научных учреждений, оживил всю научную жизнь.

Группа сотрудников ИВ в Ташкенте.
1-й ряд: первая слева К.Б. Старкова, в центре Н.Д. Миклухо-Маклай,
первая справа А.С. Тверитинова; 2-й ряд: в центре А.А. Семенов,
вторая справа О.И. Смирнова; 3-й ряд: четвертый слева В.И. Беляев. Не ранее 1944 г.
Фотография опубликована в кн.: *Старкова К.Б. Воспоминания о прожитом.*
СПб.: Европейский дом, 2006. Вклейка

Проведение сессии ИВ, посвященной 25-летней годовщине Великой Октябрьской революции, было намечено еще ранней осенью 1942 г. (судя по тому, что среди авторов докладов не значатся сотрудники, организованно выехавшие из Ленинграда в июле). Нам представляется сомнительным, что в условиях организации ИВ и бюрократической суеТЫ вокруг этого сессия состоялась, но известны темы предполагаемых докладов: «Определение характера общественного строя» (В.В. Струве), «Советская историческая наука по Средней Азии за 25 лет» (А.Ю. Якубовский), «Изучение узбекского языка и литературы за 25 лет» (А.К. Боровков), «Наука Узбекистана за 25 лет» (Т.И. Райнов), «Народное творчество Узбекистана за 25 лет» (Д.И. Тихонов), «Советское востоковедение за 25 лет» (А.Л. Троицкая) (Оп. 1а, ед. хр. 798. Л. 16).

Осенью 1943 г. ИВ инициировал проведение научной сессии по истории Ташкента. Эта инициатива была одобрена и поддержана Исполкомом Ташкентского горсовета. К сессии было приурочено открытие выставки, посвященной истории и революционным памятникам Ташкента. Ее организацией занималась комиссия под руководством А.А. Семенова. В конференции приняли участие также сотрудники других институтов и учреждений Ташкента. Среди большого числа прочитанных докладов — доклады ученых ИВ: М.Е. Массона («Основные этапы развития исторической топографии г. Ташкента и очерк истории Ташкента»), А.А. Семенова («Мусульманские ученые, уроженцы Ташкента»), А.Л. Троицкой («Жизнь махали г. Ташкента»), М.С. Андреева («Изменения в архитектурном орнаменте ташкентских зданий»), Е.М. Бертельса («Бадри-шаши»), А.К. Боровкова («Ташкентский

диалект»), А.Ю. Якубовского («История г. Ташкента»). Председатель Горсовета Хусаинов сделал доклад «Ташкент — столица Узбекистана»¹⁸ (Оп. 1а, ед. хр. 798. Л. 2, 2об., 13).

В прошедшей 20–27 июня 1943 г. общегородской научной конференции молодых ученых от ИВ приняли участие А.С. Тверитинова, Д.И. Тихонов, В.И. Кальянов, Н.В. Дьяконова, аспирант А.Т. Тагирджанов (Оп. 1а, ед. хр. 798. Л. 14).

В конце 1943 г. ИВ предполагал создать Среднеазиатское совещание по вопросам фольклора, поскольку за последние 10 лет учеными Средней Азии и Казахстана была проделана большая работа в области собирания и изучения фольклорных памятников. Теперь назрела необходимость разработать ряд методических вопросов, таких как методика записи эпических произведений, издание текстов и др. Совещание по этим вопросам прошло в ИВ, а крупномасштабная конференция по фольклору и этнографии Средней Азии в связи с организационными моментами была перенесена на апрель 1944 г. На конференцию прибыли ученые из Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Казахстана. Работа конференции протекала в двух секциях — фольклорной (ИВ) и этнографической (Ташкентская группа Института этнографии). Со вступительным словом к участникам обратился председатель конференции, уполномоченный Президиума АН СССР по Узбекистану, член-корреспондент АН СССР В.Ф. Шишмарев. Выступили чл.-корр. АН СССР В.М. Жирмунский (с докладом «Задачи изучения героического эпоса Средней Азии») и М.С. Андреев («Итоги экспедиционных работ в долине реки Пяндж»), академик В.В. Струве («Наследие фольклора древности в поэме Навои „Фархад и Ширин“»), чл.-корр. АН СССР Е.М. Бертельс («Образ Искандера в поэзии и предании народов Средней Азии»), чл.-корр. АН УзССР А.А. Семенов («Восточные сборники рассказов и их отношение к фольклору»), А.К. Боровков («Транскрипция записей фольклора»), А.Л. Троицкая («Народный театр Узбекистана»), сотрудник Института этнографии Е. М. Пещерева («Ягнобский фольклор») (Оп. 1а, ед. хр. 798. Л. 1, 13, 14, 21–23).

24 января 1944 г. в ИВ была проведена научная сессия, посвященная изучению истории и культуры уйгуров. На сессии с докладами выступили: Е.М. Бертельс («Литературные связи Восточного Туркестана со Средней Азией»), А.Ю. Якубовский («К постановке вопроса об изучении Турфанского княжества»), А.А. Семенов («Взаимоотношение Кокандского ханства с Кашгаром в первой половине XIX в.»), А.К. Боровков («Уйгуры в истории культурной жизни Средней Азии»), Г.Ф. Смыкалов («Географо-экономический обзор Восточного Туркестана»), Д.И. Тихонов («Национально-освободительные движения уйгуров в XIX в.»), Н.В. Дьяконова («Изобразительное искусство Восточного Туркестана») (Оп. 1а, ед. хр. 798. Л. 7).

В декабре 1944 г. ИВ принял участие в юбилейных научных сессиях различных учреждений Ташкента, посвященных 20-летию Узбекистана.

Научно-пропагандистскую и лекционную работу сотрудники ИВ проводили в самых разных аудиториях Ташкента, в частности в подшефном госпитале и в Ташкентском военном гарнизоне. В 1943 г. было прочитано два десятка докладов, касающихся отношений России и Турции, Тихоокеанского театра военных действий, истории Китая, современной Африки, героического характера узбекской литературы и др. Наибольшее число докладов сделала А.С. Тверитинова (Оп. 1а, ед. хр. 796. Л. 27).

¹⁸ Следующая приписка В.В. Струве на полях одного из подготовительных документов — «Хусаинову: 1) помещение для сессии и выставки, 2) стенографистки, 3) бумага для тезисов, стенограмм докладов» — некоторым образом приближает к нам это столь отдаленное событие.

А.А. Семенов в хранилище восточных рукописей
(Ташкент, середина 1940-х годов, справа — А.С. Тверитинова)
Фотография из АВ. ФАВ В-1-4

Сотрудники ИВ после войны.
1-й ряд слева направо: М.А. Мугинов, И.Г. Лившиц, П.В. Ернштедт, Г.Ф. Смыкалов,
Д.И. Тихонов, В.В. Струве, З.И. Горбачева, Ю.А. Солодухо, ..., ...;
2-й ряд: ..., ..., Е.М. Колпакчи, Р.Р. Орбели, О.П. Петрова, Р.Г. Карлина, ..., ..., ...,
О.Э. Ливотова;
3-й ряд (стоят): ..., ..., О.К. Иванова, О.И. Смирнова, Н.Д. Миклухо-Маклай, Н.Д. Шастина,
А.С. Тверитинова, А.Н. Кононов, Т.П. Черман, Л.С. Пучковский, А.И. Воробьева,
И.И. Иориш, А.А. Драгунов;
в 4-м ряду четвертый слева Каримов(?), шестой слева А.Т. Тагирджанов,
второй слева Л.З. Эйдлини, четвертый справа К.К. Курдоев. Ленинград, 1947 г.
Фотография из АВ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 45

"Ночной смотр"
 Как-то ночью у косули (квартира академика
 у касирюлек и т.п.) В.В. Струве
 Начались пересуды - Завершила касирюлька,
 кто кому и для чего? - чтоб тоталитаризм
 Заключила свободу: Массу и, что же, голубя
 Марю, карю, чешю, Круглый колб передо
 Все сиреневые бусы, Как винил ие ругу
 Никогда-то мне не было, И чуждому смелю
 И для Лесика котлет, росло, и как редкий
 И картошки и баклаж, Как америт и
 И мадаи и олимпий, абсурду
 Кто-то спросит - где ты, Месо, что в мрамор
 где? - и, бесконечно, тупо, Галу,
 всех

Ну, летят тучи, коряво, Вручил старик все
 Расквашенная селю, раба,
 Все птице, шипит-кричит, Сиреневые бусы
 Все куренье в доме, смогли
 Месо курит, бараба! И на полке, рядом
 Эка невиданно развела, с таракан,
 А... чешю и В.В. Струве, Взмолгла все
 Оливало телеса! Горшки
 Моей кент
 1944г. Стру.

Шуточное стихотворение,
 написанное на квартире В.В. Струве в Ташкенте
 в 1944 г. неизвестным лицом.
 АВ. Фонд В.В. Струве (не разобран)

В 1943–1944 гг. в связи с прибытием в Ташкент многих сотрудников увеличилось число кабинетов ИВ и изменился их состав¹⁹. В Китайско-монгольском кабинете теперь также работали Л.С. Пучковский, Г.Ф. Смыкалов, Т.А. Бурдукова, аспирант М.К. Максимов (с 1 октября 1944 г. сотрудник) (Оп. 1а, ед. хр. 810. Л. 5), А.Е. Глускина (до отъезда в Московскую группу осенью 1943 г.). Я.Б. Радуль-Затуловский и вновь приехавшие Е.М. Колпакчи и Р.Г. Карлина составили Японо-корейский кабинет (Оп. 1а. Ед. хр. 815). В Иранском кабинете — Е.М. Бертельс, Н.М. Миклухо-Маклай, М.А. Мугинов (ранее состоял в Туркологическом кабинете), О.И. Смирнова, аспирант А.Т. Тагирджанов (Оп. 1а, ед. хр. 809. Л. 9, 13). Индийский кабинет пополнился В.И. Кальяновым, и.о. заведующего кабинетом (заведующий акад. А.П. Баранников находился в Боровом), В.М. Бескровным (ученый секретарь кабинета), Д.А. Сулейкиным, Г.Г. Кочарьянцем и аспиранткой В.А. Новиковой (Оп. 1а, ед. хр. 808. Л. 1). Кабинет Древнего Востока приобрел П.В. Ернштедта, Ю.А. Солодухо, Ю.Я. Перепелкина (перешел из Института истории АН СССР во втором квартале 1944 г.) (Оп. 1а. Ед. хр. 807). К вновь созданному Арабскому кабинету относились И.Н. Винников (прибыл из Борового), докторант В.И. Беляев, аспиранты С.Р. Смирнов и Л.З. Писаревский (Оп. 1а, ед. хр. 806. Л. 4, 6). Новыми сотрудниками Среднеазиатского кабинета стали М.С. Андреев, Т.И. Райнов. Однако в связи со смертью из кабинета выбыла Е.А. Разумовская, а С.П. Толстов уехал в Москву. В Туркологический кабинет влились А.С. Тверитинова, Д.И. Тихонов, М.А. Салье, позднее — А.Н. Кононов (Оп. 1а. Ед. хр. 813, 814). К.Б. Старкова стала сотрудником ИВ в марте 1944 г. по приезду в Ташкент из Арзамасского района, куда она была эвакуирована.

К концу 1944 г. штат ИВ, включая все его группы в разных городах, составил 62 единицы (Оп. 3а, ед. хр. 69. Л. 19). На 1 октября в Институте в Ташкенте находилось 34 человека, из них 27 научных сотрудников (Струве, Тихонов, Бертельс, Боровков, Семенов, Башкиров, Винников, Драгунов, Ернштедт, Колпакчи, Кононов, Миклухо-Маклай, Радуль-Затуловский, Смыкалов, Солодухо, Сулейкин, Тверитинова, Перепелкин, Троицкая, Бескровный, Бурдукова, Дьяконова, Кислаковская, Мугинов, Пучковский, Смирнова, Старкова) и библиотекарь О.Э. Ливотова. (Оп. 3а. Ед. хр. 69). В это же время в Ленинград уже вернулся ряд сотрудников (Алексеев, Баранников, Козин, Крачковский, Фрейман, Штейн, Пигулевская, Тихонов, Кальянов, Максимов). В Московской группе на 1 октября оставались Конрад, Райнов, Рейснер, Глускина, Авдиев, В.А. Гордлевский, Кочарьянц, Гольдберг, Вершинина (Оп. 3а, ед. хр. 69. Л. 2об.).

Основными научными трудами ИВ в 1943–1945 гг. были уже упоминавшийся коллективный сборник «Индия» (под редакцией акад. А.П. Баранникова, также участвовали Т.И. Райнов, В.И. Кальянов, Н.М. Гольдберг, Я.Б. Радуль-Затуловский, Г.Г. Кочарьянц) и сборник «Средняя Азия и Иран». Их значение состояло в том, что «они были написаны специалистами и давали правильное и объективное освещение вопросов истории, культуры и народов этих стран и разоблачали фашистскую пропаганду в этой области» (Оп. 1а, ед. хр. 801. Л. 17). Сборники были рассчитаны на широкий круг читателей и состояли из ряда статей, посвященных вопросам истории, этнографии, географии, литературы, языка и т.д. Каждая статья представляла собой научное исследование, основанное на первоисточниках. Предполагалось также написание «Истории дипломатии стран Востока в эпоху империализма» как дополнения к ранее вышедшим томам «Истории дипломатии», посвященным Западу. Статьи по

¹⁹ Мы не будем перечислять сотрудников, работавших в кабинетах с 1942 г. См. с. 250 данной статьи.

каждой стране писали специалисты, хорошо знакомые с источниками на европейских и восточных языках. Редактировать работу изъявили согласие А.Я. Вышинский и А. Лозовский (Оп. 3а, Ед. хр. 69; Оп. 1а, ед. хр. 796. Л. 45).

В плане работ ИВ²⁰ на эти годы стояли также «Большой японо-русский словарь» (Н.И. Конрад, А.Е. Глускина), «Большой монголо-русский словарь» (С.А. Козин, Л.С. Пучковский), «Грамматика ягнобского языка» (М.С. Андреев), «Грамматика древнекитайского языка» (А.А. Драгунов), «История японского языка» (Е.М. Колпакчи), «История узбекского языка — памятники узбекского языка» (А.К. Боровков), «Китайская литература» (В.М. Алексеев) (Оп. 1а, ед. хр. 801. Л. 15–17) и целый ряд других работ.

Одной из сторон деятельности ИВ в эти годы было проведение научных экспедиций в пределах Средней Азии. Так, в 1944 г. состоялись две диалектологические экспедиции под руководством А.К. Боровкова в Бухарскую и Наманганскую области. В 1943–1944 гг. И.Н. Винников организовал три экспедиции в Бухарскую и Кашкадарьинскую области, где собрал значительный материал по языку, фольклору и культуре арабского населения Средней Азии (Оп. 1а, ед. хр. 824. Л. 46; Оп. 3а, ед. хр. 74а. Л. 4).

В условиях военного времени ИВ выполнял и военные заказы. Проводились сложные работы для Картографической фабрики САВО, имевшие специфический характер. Особенно большую работу вели А.А. Драгунов, Г.Ф. Смыкалов. Отдельные поручения выполняли А.А. Семенов, А.В. Башкиров, Я.Б. Радуль-Затуловский (Оп. 3а, ед. хр. 69. Л. 30об.).

В 1944 г. у Института появилось собственное печатное издание «на правах рукописи» (так в названии. — С.М.) — «Рабочие хроники». В его редакцию входили В.В. Струве, Я.Б. Радуль-Затуловский, Д.И. Тихонов. В них освещалась научная жизнь ИВ и приводились краткие резюме основных работ и докладов сотрудников. В 1944 г. вышло два выпуска «Хроник». Первый из них был посвящен работе Института в 1943 г. (Оп. 1а, ед. хр. 824. Л. 45).

Ввиду больших потерь среди востоковедов во время войны подготовка новых востоковедных кадров стала первоочередной задачей Института востоковедения в Ташкенте. В аспирантуре и докторантуре пребывало более двух десятков человек. Только в 1942 г. в докторантуру и аспирантуру было принято 10 человек (К.А. Антонова, Г.И. Карпов, Д.И. Тихонов, Н. Азимов, Т.Х. Салимова, Л.З. Писаревский, С.З. Закиров, Л. Позднеева, Г.Л. Войтинская, З. Магруфов). Тем не менее руководство ИВ было недовольно: «Не удалось набрать по всем специальностям. Не было кандидатов. Совершенно нет людей, занимающихся Тибетом, Кореей, Маньчжурией, Афганистаном» (Оп. 3а, ед. хр. 69. Л. 31).

На Ученом Совете в Ташкенте с 1942 по 1945 г. были защищены диссертации: Я.Б. Радуль-Затуловским (докторская), Е.М. Колпакчи (докторская), В.А. Крачковской (докторская, без защиты), Д.А. Сулейкиным, А.Е. Глускиной, Н.Д. Миклухо-Маклаем, Г.Г. Кочарьянцем, К.Б. Старковой, Б.Л. Фридлянд, М.К. Максимовым, Л.С. Пучковским, О.И. Смирновой, М.А. Салье, Ц.Д. Номинхановым, Я.Г. Гулямовым, Н.Т. Федоренко, М.А. Дебнером, Э.Н. Наджипом и другими (все кандидатские) (Оп. 1а, ед. хр. 793. Л. 3; ед. хр. 797. Л. 3; ед. хр. 824. Л. 31; ед. хр. 827. Л. 11; ед. хр. 856. Л. 1).

В конце 1943 г. в письме к В.В. Струве уполномоченный ИВ в Ленинграде А.Н. Болдырев просит организовать заочные защиты диссертаций В.И. Евгеновой и

²⁰ Независимо от того, в какой группе Института работал тот или иной сотрудник, составлялся общий план научных работ по ИВ.

О.П. Петровой (Соловьевой) ввиду того, что «правом заочной защиты диссертации, кроме находящихся на военной службе, пользуются также ленинградцы, находящиеся в городе-фронте». К тому же диссертация Евгеновой уже была апробирована на заседании Ученого совета Института речевой культуры в 1931 г. (Оп. 1а, ед. хр. 812. Л. 7об.). А.Н. Болдырев пишет, что «получение степени В.И. Евгеновой имело бы очень большое значение для сохранности ее как специалиста и как работника вообще» (Оп. 1а, ед. хр. 812. Л. 10). 31 марта 1944 г. на заседании Ученого совета ИВ в Ташкенте за работу «Исследование магического папируса 825 Британского музея» В.И. Евгеновой была присуждена степень кандидата исторических наук (заочно). Диссертация О.П. Петровой на тему «Стабильный учебник японского языка для вузов» не была защищена.

Перед самой смертью, 4 мая 1943 г., тогдашний уполномоченный ИВ в Ленинграде Д.В. Семенов пишет Д.И. Тихонову в Ташкент письмо с просьбой о содействии в организации заочной защиты его докторской диссертации: «Я отправил 21.04. с.г. в адрес директора ИВ Струве ценное письмо о заявлении о допущении к заочной защите моей работы „Синтаксис современного арабского литературного языка“ в качестве диссертации доктора филологических наук. Она вышла из печати в издании ИВ АН отдельной книгой в конце 41 г. Крачковский дал хороший отзыв. Прошу оказать содействие в организации заочной защиты этой диссертации. Приезд мой в командировку в Ташкент для защиты был бы возможен только при наличии разрешения Президиума АН. Я предпочел бы заочную защиту, т.к. здоровье мое неважно и я не хотел бы также оставлять одной больную жену» (Оп. 1а, ед. хр. 801. Л. 9об.). Однако 7 мая Д.В. Семенова не стало. После смерти мужа его вдова хлопотала о защите этой книги в качестве докторской диссертации, однако ничего сделано не было.

Сотрудники ИВ оказали большую помощь в развитии академической науки и вузовской деятельности, работая также в различных институтах АН УзССР и вузах Ташкента (восточный, исторический и филологический факультеты САГУ, женский пединститут, вечерний пединститут). Речь идет о следующих сотрудниках: В.В. Струве, Е.Э. Бертельсе, А.А. Семенове, А.К. Боровкове, Я.Б. Радуль-Затуловском, П.В. Ернштедте, Е.М. Колпакчи, А.Н. Кононове, В.М. Бескровном, К.Б. Старковой, А.С. Тверитиновой, Н.М. Гольдберге, А.А. Драгунове, Н.Д. Миклухо-Маклае, Н.В. Дьяконовой, О.И. Смирновой. По заданию Наркомпроса УзССР Е.Э. Бертельс и А.К. Боровков участвовали в создании учебников по узбекскому языку и литературе для средней школы (Оп. 1а, ед. хр. 824. Л. 4).

Узбекские товарищи высоко оценили помощь ленинградцев. К отъезду сотрудников ИВ в Ленинград 8 мая 1945 г. в системе АН УзССР был издан приказ следующего содержания. «В связи с реэвакуацией в Ленинград ряда научных сотрудников институтов АН УзССР, за плодотворную работу Президиум АН УзССР выносит благодарность нижепоименованным лицам. По Ин-ту восточных рукописей: В.И. Беляеву, А.С. Тверитиновой, Н.Д. Миклухо-Маклаю, В.М. Бескровному, О.И. Смирновой, Б.Л. Фридлянд, Н.В. Дьяконовой, К.Б. Старковой (все кандидаты наук). Разослано тов. О.И. Смирновой» (Оп. 1а, ед. хр. 848. Л. 9). Сотрудники ИВ также были награждены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УзССР за выдающиеся научные достижения во время пребывания в Ташкенте.

Здесь хочется привести полный список сотрудников Института востоковедения, в 1942–1945 гг. работавших в Институте в Ташкенте во время эвакуации: В.В. Струве, Д.И. Тихонов, А.В. Башкиров, А.К. Боровков, А.Н. Кононов, М.А. Мугинов, Л.С. Пучковский, Я.Б. Радуль-Затуловский, О.И. Смирнова, Д.А. Сулейкин, Г.Ф. Смыкалов, Ю.А. Солодухо, А.С. Тверитинова, А.А. Драгунов, А.Е. Глускина, Е.М. Колпакчи,

Н.Д. Миклухо-Маклай, В.И. Кальянов, В.И. Беляев, Б.Л. Фридлянд, Т.А. Бурдукова, В.М. Бескровный, Е.Э. Бертельс, П.В. Ернштедт, М.К. Максимов, Р.Г. Карлина, Е.А. Разумовская, О.Э. Ливотова (ст. библиотекарь), Н.М. Вайнберг (библиотекарь). За эти годы стали сотрудниками ИВ в Ташкенте и работали в ИВ в Ленинграде после войны: И.Н. Винников, А.Л. Троицкая, Н.В. Дьяконова (вскоре ушла в ГЭ), К.Б. Старкова, Ю.Я. Перепелкин, И.Г. Лившиц, Н.В. Кислаковская²¹.

В ночь с 9 на 10 мая основная часть сотрудников ИВ²² (за исключением тех, кто временно ввиду производственной необходимости оставался в Ташкенте под руководством Е.Э. Бертельса, назначенного уполномоченным ИВ в Ташкенте) выехала в Москву. О победе узнали уже в поезде. До Москвы добирались шестеро суток в пассажирских вагонах. В Москве пересели на другой поезд с немецкими купейными вагонами и 17 мая прибыли в Ленинград. Шел снег. На перроне приехавших сотрудников встречали А.А. Фрейман и А.Н. Болдырев. Сотрудников, не имевших собственного жилья, поселили временно в Доме ученых, затем с помощью В.В. Струве всех удалось расселить по разным квартирам.

24 мая вышел приказ № 20 по Институту востоковедения АН СССР: «Во исполнение решения Президиума АН СССР и в соответствии с решением Г.К.О. ИВ, находившийся в эвакуации в Ташкенте, считать вернувшимся и приступившим к работе с 17 мая 1945 г.» (Оп. За, ед. хр. 72а. Л. 19). Д.И. Тихонов приступил к исполнению своих обязанностей ученого секретаря ИВ. Приказом от 23–25 мая за подписью А.Н. Болдырева как уполномоченного ИВ в Ленинграде сотрудники были приняты на постоянную работу в Институт ввиду возвращения из эвакуации. Было утверждено штатное расписание на 1945 г. Как и в 1944 г., оно составило 64 единицы. А.Н. Болдырев был освобожден от обязанностей уполномоченного в связи с возвращением Института в Ленинград в полном составе и работал в качестве старшего научного сотрудника Иранского кабинета.

В мае 1945 г. в ИВ на постоянную работу были зачислены: О.И. Смирнова, А.С. Тверитинова, Н.В. Дьяконова, Т.Х. Салимов (докторант), З. Магруфов (аспирант), Е.М. Колпакчи, Л.С. Пучковский, Ю.Я. Перепелкин, О.Э. Ливотова, Ю.А. Солодухо, А.Н. Кононов, М.А. Мугинов, В.И. Беляев, Т.А. Бурдукова, Я.Б. Радуль-Затуловский, П.В. Ернштедт, А.Л. Троицкая, Г.Ф. Смыкалов, И.Г. Лившиц, С.З. Закиров (аспирант), Д.А. Сулейкин, А.А. Драгунов, Н.В. Кислаковская, Б.Л. Фридлянд, Р.Г. Карлина, Н.Д. Миклухо-Маклай, Л.З. Писаревский, Х. Якубов, Н.И. Ищенко, О.К. Иванова, Д.А. Алексеев (докторант), Т.К. Алексеева²³.

Сокращения

АВ — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН

АН — Академия наук

ГПБ — Государственная публичная библиотека

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ИВ АН СССР — Институт востоковедения Академии наук СССР

ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук

²¹ Мы не указываем тех сотрудников ИВ в Ташкенте, которые после войны вернулись на другое место работы, например К.В. Тревер, Н.М. Гольдберг и др.

²² Руководство ИВ и сотрудники-академики вернулись в Ленинград летом 1944 г. Из рядовых сотрудников Института разрешение на въезд в Ленинград в это время получили только В.И. Кальянов и М.К. Максимов.

²³ Мы намеренно опубликовали все встретившиеся нам в архивных документах фамилии, надеясь на то, что кто-нибудь сочтет их знакомыми.

ИЯЛИ — Институт языка и литературы
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
ИККИ — Исполнительный комитет коммунистического Интернационала
САВО — Среднеазиатский военный округ
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СНК — Совет народных комиссаров
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР

Источники и литература

Были использованы документы из АВ: Ф. 152. Оп. 1а, 3 и 3а.
Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь восточников — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.
Лившиц В.А. Институт востоковедения АН СССР в дни Великой Отечественной войны // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 19 годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 2. М., 1986. С. 3–16.

Summary

S.I. Marakhonova

**Institute for Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences:
Its Activity in Evacuation (Tashkent, 1942–1945).
Evidence of the Archival Materials**

The article deals with the scientific and social activities of the Institute for Oriental Studies evacuated from Leningrad to Tashkent during World War II. It is based on a great number of the Institute's archival materials.

The Institute was officially organized in Tashkent in September 1942. The number of its members grew up from 17 in the beginning to nearly 50 in 1944. Its academic level was rather high. Among the main works of the period were collective books "India", "Central Asia and Iran" and "History of Diplomacy". The Institute organized and participated in a great number of scientific conferences held in Tashkent. Its members helped the local scientists and university professors in their activities. The Institute prepared a lot of new post-graduate students in different academic fields.

On May, 9/10, 1945, the Institute moved back to Leningrad.